

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: ВНУТРЕННИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Буров Алексей Никитович, доктор исторических наук, профессор

Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета
400131, Россия, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru

Статья посвящена рассмотрению как внутривнутриполитической ситуации в Сирии в 2011–2012 гг., так и международным аспектам сирийского кризиса. Анализируется расстановка политических сил, их стратегия и тактика. Особое внимание уделяется российско-сирийским отношениям, роли и значению российской дипломатии в урегулировании конфликта.

Ключевые слова: внутривнутриполитический конфликт, авторитарный режим, политическая либерализация, демократизация, внешнеполитическая конъюнктура.

THE SYRIAN CRISIS: DOMESTIC AND INTERNATIONAL ASPECTS

Burov Alexey N., D.Sc. (History), Professor

Volgograd branch of Russian State University of Trade and Economics
11 Volgodonskaya st., Volgograd, 400131, Russia
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru

The paper considers the internal political situation in Syria in 2011–2012 and international aspects of the Syrian crisis. We analyse the alignment of political forces, their strategy and tactics. A particular attention is paid to the Russian-Syrian relations, the role and value of Russian diplomacy in resolving the conflict.

Keywords: Internal political conflict, Authoritarian regime, Political liberalization, Democratization, Political situation.

Важнейшие события, происходившие за последние два года на Ближнем и Среднем Востоке, ознаменовались социально-политическими потрясениями в ряде арабских стран. Эти потрясения имели не только региональное, но и международное значение, и, как будет показано ниже, не могли не затронуть ареал Прикаспия, а, стало быть, и национально-государственные интересы России.

Общая канва происходившего широко известна [17, с. 3–14]. Начавшиеся в 2010 г. в Тунисе народные волнения и массовые протесты привели к падению режима президента Бен Али и его бегству из страны. Режим президента Х. Мубарака в Египте пал 11 февраля 2011 г., а еще через два дня на востоке Ливии начались беспорядки и демонстрации с требованием отставки лидера М. Каддафи. Противостояние властей и протестующих приняло там форму вооруженной борьбы. 18 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН (при воздержавшихся представителях России и Китая) принял резолюцию об установлении над Ливией «бесполетной зоны». Военная интервенция стран НАТО внесла решающий вклад в падение и гибель ливийского лидера в октябре 2011 г.

В январе крупные выступления начались в Йемене, Иордании, на Бахрейне и в Марокко. Однако события в этих странах развивались по-разному. В Иордании и Марокко королевская власть достаточно оперативно отреагировала на происходящее и спешно провела некоторые реформы (как сейчас видится, косметические), которые несколько снизили накал страстей, по крайней мере на время. На Бахрейне события приняли кровавый оборот. Мирные протесты в основном шиитской части населения были подавлены благодаря военному вмешательству Саудовской Аравии.

В Йемене шумные массовые акции и регулярные, порой кровавые столкновения противоборствующих сторон продолжались вплоть до конца 2011 г. Специфика йеменской ситуации состоит в том, что это пока что единственный случай в современном арабском мире, когда смена власти прошла на консенсусной, компромиссной

основе. Президент страны А. Салех ушел в отставку в начале 2012 г. под гарантии личной безопасности, а в феврале этого же года временным президентом страны (сроком на два года) был избран Абу-Раббу Мажур Хади, занимавший до этого пост вице-президента, под обещания провести за этот период необходимые демократические реформы [11, с. 34–36]. Таким образом, власть в стране все же сменилась, и без западного военного вмешательства. На этот прецедент следует обратить особое внимание, ибо, как нам представляется, йеменский опыт мог бы пригодиться при урегулировании ситуации в Сирии, которая, затрагивая интересы многих сторон, остается головной болью для международного сообщества.

День эвакуации французских войск из Сирии – 17 апреля 1946 г. считается точкой отсчета существования независимого сирийского государства. Отличительная особенность первой четверти века сирийской независимости – политическая нестабильность, выражавшаяся в экстремальной форме. Достаточно отметить, что за период с 1946 по 1970 гг. (т.е. до прихода к власти Хафеза Асада) в стране произошло двадцать заговоров и военных переворотов [1, с. 547]. Первоначально ситуация не изменилась даже с приходом к власти Партии Арабского социалистического возрождения (БААС), с самого начала поставившей перед собой цель утверждения собственной политической монополии. Тем не менее первые годы ее правления сопровождались острой борьбой между внутрипартийными группировками, что продолжало дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию. Данное обстоятельство очень важно подчеркнуть, ибо запрос на политическую стабильность и поступательное развитие экономики в таких условиях стал императивом массового сознания. Именно поэтому лозунг политической стабильности, выдвинутый в 1970 г. пришедшим к власти Х. Асадом, получил широкую поддержку как в самой партии, так и в обществе в целом.

В первую очередь новый президент решил упорядочить партийно-политическую систему страны при доминирующем положении своей партии. Понимая контрпродуктивность запрета любой политической деятельности вне правящей партии, провоцирующей оппозиционную активность, а стало быть, и политическую нестабильность, Х. Асад использовал практику ряда восточноевропейских стран с их опытом утверждения «народной демократии». В стране был создан Прогрессивный национальный фронт, в рамках которого, при ведущей роли баасистов, объединялись пять основных партий (Партия Арабского социалистического возрождения, Сирийская коммунистическая партия, Арабский социалистический союз, Движение арабских националистов и ряд других организаций). В Прогрессивном национальном фронте должны были сотрудничать различные демократические, националистические, коммунистические и другие группы. Через механизм этого фронта Х. Асад искусно контролировал деятельность различных партий и организаций, уравнивал их интересы и этим укреплял свою власть. Попытки некоторых представителей вышеупомянутых организаций выйти за предначертанные им рамки жестко пресекались, что в конце концов превратило сирийскую (подобно восточноевропейской) «многопартийность» в весьма условную конфигурацию.

В результате всеобщего референдума 13 марта 1973 г. вступила в силу конституция страны, согласно которой Сирийская Арабская Республика была объявлена «суверенным социалистическим народнодемократическим государством». Согласно этой конституции, главой государства является президент, избираемый на 7 лет путем всенародного референдума. Он наделялся широкими правами: назначал премьер-министра, министров, издавал законы, одобренные Народным советом, имел право объявлять чрезвычайное положение, войну или всеобщую мобилизацию, ратифицировать международные договоры, являлся также главнокомандующим вооруженными силами. По конституции, высшим органом законодательной власти объявлялся Народный совет, избираемый населением на 4 года. При этом избирательное право представлялось всем гражданам, достигшим 18 лет. В перерыве же между сессиями функции законодательной власти осуществлялись президентом, но изданные им законы должны были получить одобрение на очередной сессии Совета. Высшим органом исполнительной власти декларировался Совет министров (правительство). Важ-

ная отличительная черта конституции, опять-таки заимствованная из практики стран «социалистического содружества» – наличие специальной статьи, объявлявшей партию БААС «руководящей и направляющей» силой общества [16, с. 451].

Х. Асад был избран президентом Сирии прямым голосованием и переизбирался на этот пост каждые семь лет. На протяжении всей последующей жизни он являлся бессменным главой государства и генеральным секретарем партии. Если учесть, что пост верховного главнокомандующего вооруженными силами и пост председателя Прогрессивного национального фронта также были сосредоточены в руках президента, нетрудно сделать вывод о формировании режима личной диктатуры, закамуфлированного демократической атрибутикой.

Авторитарному политическому режиму вполне соответствовал избранный курс экономической политики. В соответствии с прокламируемыми «социалистическими» лозунгами упор был сделан на государственный сектор, который выступал как непосредственно хозяйствующий субъект. Базовые отрасли экономики принадлежали государству, а их развитие осуществлялось на основе пятилетних планов. В середине 1970-х гг. на долю государственного сектора приходилось до 85 % выпускаемой продукции. Государственный сектор был сосредоточен в основном в сфере энергетики, нефтяной, цементной промышленности и др. Правда, столь высокая доля государственного сектора вовсе не означала высокий уровень развития экономики. Промышленность давала низкую долю национального дохода – 18 % [1, с. 536].

При Х. Асаде Сирия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной. Это означало, что перспектива удержания власти зависела в первую очередь от успешности решения аграрного вопроса. И на этом пути сирийскому руководству удалось добиться весьма значительных успехов. Аграрная реформа была проведена в несколько этапов, при этом утвердилась система частного землевладения при простейших формах кооперации, что значительно снизило остроту аграрного вопроса.

Важная особенность экономической политики баасистов состояла в том, что в Сирии никогда не уничтожали частное предпринимательство, мелких собственников, хотя в разное время ущемляли или ограничивали их деятельность. Сирия всегда оставалась многоукладной страной. В то же время это несколько не мешало баасистам называть экономику «социалистической». Главный эксперимент сирийской экономики сводился к поиску оптимального соотношения государственного сектора и мелкого частного капитала. Это и обеспечивало на определенном этапе стабильное развитие страны. Такая стабильность достигалась медленным ростом экономики и некоторым улучшением жизни простых сирийцев.

Как мы видим, сирийский «застой», при всей его специфике, весьма напоминал эпоху Л.И. Брежнева во времена СССР. И результаты «застойного» периода в Сирии, в общем-то, похожи на советский финал. К концу правления Х. Асада страна все больше погружалась в тяжелый экономический кризис, вызванный «социалистическими» приемами управления экономикой. Всеохватывающая коррупция и падение цен на нефть лишь усугубляли экономическое положение в стране. Рост инфляции привел к дороговизне основных продуктов питания, и Х. Асад был вынужден ввести карточную систему (вспомним, что нечто подобное наблюдалось и в СССР в 1990–1991 гг.).

Тупик командно-административной системы управления экономикой, совпавший по времени с крахом «социалистического содружества», заставил и Х. Асада пойти по пути реформ. Уже в 1990-е гг. начался постепенный переход к рыночному способу ведения хозяйства. Рыночный сектор экономики, впрочем, существовал в Сирии всегда. В данном случае речь шла о повышении его удельного веса и придании ему доминирующей роли. Для этого нужно было предпринять меры по либерализации экономики и пойти по пути приватизации государственной собственности. В 1990-е гг. были приняты четкие и ясные законы, обеспечивающие повышение роли частной инициативы. Более широко стали привлекаться и западные инвестиции. Частный сектор стал играть значительную роль в экономической сфере, который в начале нового века стал давать уже 50 % национального дохода [1, с. 557].

Тем не менее, процесс перехода к рыночной экономике был непоследовательным. Согласно законодательству, процесс приватизации должен был распространяться только на крупные государственные предприятия. В разъяснениях утверждалось, что частный сектор получит мощный толчок к развитию, но только рядом с госсектором, но никак не за его счет. Речь шла о поощрении системы единоличного хозяйствования, опирающегося на поддержку государства. Очевидно, что слабая экономика так или иначе нуждается в государственной поддержке, но этот процесс имеет теневые стороны. Мировая практика показывает, что государственный капитализм провоцирует коррупцию на различных этажах государственной власти, ибо не создает для бизнеса необходимой для него конкурентной среды. Так случилось и в Сирии, и это перешло по наследству преемнику отца Башару Асаду.

Специфика сирийской ситуации (в отличие от российской) состоит в том, что процесс экономической либерализации не сопровождался сколько-нибудь существенной политической либерализацией. В стране сохранялся, по сути, диктаторский режим, опиравшийся на армию и бюрократический партийно-государственный аппарат. Важную роль играли конфессиональные особенности сирийского общества. Сам Х. Асад относился к алавитам – мусульманской секте шиитского направления, впитавшей в себя и некоторые элементы христианства (достаточно сказать, что наряду с исламскими святыми они почитают также и Христа и соблюдают обряд причастия). В период его правления именно алавиты, составляющие только 15 % населения страны, заняли ведущие позиции как в военном, так и в партийно-государственном аппарате. Сунниты (70 % населения) оказались таким образом обделенными, что не могло не вызывать политические коллизии. Впрочем, их политическое неравноправие до поры до времени компенсировалось ведущими позициями, которые они занимали в частном бизнесе. Таким образом возник своего рода консенсус, до поры до времени удовлетворявший обе стороны [13, с. 71].

Ситуация изменилась с приходом к власти Башара Асада, унаследовавшего должность своего отца после его смерти в июне 2000 г. Сами выборы президента прошли по процедуре, далекой от канонов западной демократии. Кандидатура Б. Асада, выдвинутая партией БААС, была единственной, а результаты выборов были вполне созвучны советским периода застоя. Б. Асад продолжил либеральные реформы в экономике, начатые его отцом. Но здесь появилась одна существенная новация: если Х. Асад запрещал алавитам заниматься крупным бизнесом, то его преемник такие запреты снял. Результат не заставил себя ждать: многие алавиты, имевшие обширные связи в государственном аппарате, стали теснить бизнесменов – суннитов, которые почувствовали себя ущемленными уже не только политически, но и экономически.

За одиннадцать лет своего правления Б. Асад ничего не сделал для демократизации политической системы. Авторитарный режим по-прежнему сохранялся с его отсутствием свободы слова, митингов и собраний, реальной многопартийности и политической конкуренции. В силу закрытости политической системы Сирии трудно сказать, в какой мере президент самостоятелен при принятии решений. Аналитики сходятся в том, что Б. Асад уже не имеет тех всеобъемлющих рычагов власти, какими располагал его отец. Важные решения, скорее всего, принимаются коллегиально, при этом в руководящую верхушку входит, помимо самого президента, его брат Махер, возглавляющий главную элитную вооруженную силу – Республиканскую гвардию и четвертую механизированную дивизию, составленную в основном из алавитов, а это наиболее боеспособные воинские соединения. Немалое влияние имеют в Сирии и два двоюродных брата Башара. Это Асеф Шафкат – бывший начальник военной разведки, а сейчас заместитель начальника штаба вооруженных сил – и Хафиз Махлюф, возглавляющий директорат общей разведки [14, с. 8].

Сложившаяся в Сирии авторитарная политическая система, помеченная язвами коррупция, не могла не провоцировать оппозиционные настроения. Прежде всего это касалось образованной, квалифицированной молодежи в крупных городах (в первую очередь суннитов), не видевших перспектив для карьерного роста и других форм самореализации. Именно они и начали первые акции протеста в марте 2011 г., детона-

тором которых послужили революционные события в соседних арабских странах. Позднее они вылились в многотысячные демонстрации в ряде крупных городов, где определяющую роль уже играли исламисты, в первую очередь вышедшие из тени «Братья – мусульмане». И если первоначально выдвигались лозунги установления демократии, то в дальнейшем они переросли в требования ухода самого Б. Асада.

Надо отметить, что первоначальная реакция сирийского президента, недооценившего степень серьезности складывающейся ситуации, была весьма неадекватной. Так, Б. Асад, врач по образованию, сравнил протестующих с микробами, от которых нужно «вылечить страну» [10, с. 34]. (Поразительная аналогия: в начале волнений в Ливии Муамар Каддафи назвал своих протестующих «крысами», которых необходимо уничтожить). Первые манифестации подавлялись в жесткой форме, применялось и оружие, появились первые жертвы. Волнения, однако, не прекратились, а, напротив, их масштабы еще более расширились, а требования только радикализировались. Президент был вынужден изменить тактику: начались его поездки по стране, и завязался его прямой диалог с общественностью. Но джин уже был выпущен из бутылки, эти меры оказались запоздалыми. Опоздал Б. Асад и с политической реформой, хотя решения, принятые летом 2011 г., были воистину революционными: отмена действовавшего много лет чрезвычайного положения, амнистия политическим заключенным, отмена цензуры печати, разрешение новых независимых партий, обещание провести свободные демократические выборы.

Реформаторские новации президента, по совету Президента РФ Д.А. Медведева, увенчались новой, демократической конституцией, принятой на референдуме 26 февраля 2012 г., в которой, с одной стороны, сохранялись социальные гарантии, а с другой, прокламировались демократические права и свободы. 28 февраля 2012 г. Б. Асад подписал текст конституции, и она вступила в силу. Тогда же была объявлена дата первых альтернативных выборов на многопартийной основе. Конечно, возникает вопрос о легитимности проведенного референдума, который был объявлен «фарсом» как на Западе, так и в кругах вооруженной сирийской оппозиции. Власти объявили об участии в референдуме 60 % электората, из которых, опять-таки, около 60 % проголосовали в ее пользу [2, с. 41]. Эти данные похожи на правду, ибо, по оценкам директора Института Востоковедения РАН Виталия Наумкина, «около 60 % населения поддерживает президента Башара Асада, и это не только алавиты, друзья, христиане, значительная часть курдов, а также и часть суннитов» [5, с. 33]. Еще более оптимистичен руководитель общества дружбы и делового сотрудничества с арабскими странами Вячеслав Мутузов: «Если сейчас в Сирии провести выборы, то 70 % голосов будет отдано нынешнему президенту Башару Асаду» [4, с. 3].

Срок президентских полномочий Б. Асада истекает только через два года, если, конечно, он сумеет удержать власть. Но вот свободные демократические выборы в парламент на многопартийной основе назначены на 7 мая 2012 г. По состоянию на февраль 2012 г. в Сирии уже зарегистрированы шесть политических партий. Впервые, это правящая партия Арабского социалистического возрождения (БААС), которая, скорее всего, и получит большинство. К ней близка Национальная социальная партия, пользующаяся довольно значительной поддержкой населения. Популярна также левая «Народная воля», которая ранее называлась «Сирийские коммунисты за единство». Ее лидер Кадри Джамиль был единственным человеком из оппозиции, кто участвовал в подготовке текста новой конституции. У него есть свой план экономических и политических перемен. Создана левая курдская партия, которая вполне может получить несколько мест в парламенте. Среди религиозной части суннитского населения пользуется популярностью умеренное крыло «Братьев-мусульман», которое, в отличие от радикалов, отрицает вооруженную борьбу. Наконец, возникло также и либерально-демократическое движение, зарегистрированное в январе 2012 г. Мечта его лидера, писателя Набиля Фейсала – превратить Сирию в либеральную демократию, своего рода ближневосточную Данию [6, с. 8].

Многопартийность в Сирии делает первые шаги и говорить о ее перспективах, конечно, еще трудно. Тем более что воюющая против режима Асада непримиримая

оппозиция – Сирийский национальный совет со штаб-квартирой в Турции (его военное крыло – так называемая Армия свободной Сирии) категорически отказывается от участия в грядущих выборах, выдвигая в качестве предварительного условия отставку президента Б. Асада. Воюют же с режимом Асада не только сирийцы (среди которых преобладают вовсе не демократы, а исламисты), но и разношерстная публика из разных государств, в том числе и члены международной террористической организации «Аль-Каида».

Здесь мы подошли к рассмотрению важного фактора, влияющего на сирийский кризис – внешнего вмешательства во внутренние дела страны. Канва этих событий достаточно известна. 28 ноября 2011 г. Лига арабских государств (ЛАГ) ввела санкции против режима Б. Асада. В соответствии с решением ЛАГ, высшим должностным лицам Сирии запрещено появляться в странах-членах Лиги. Сирийские активы в прочих арабских странах были заморожены. Было запрещено воздушное сообщение с Сирией. Аналогичные санкции в отношении Сирии были введены и Турцией, которая не входит в ЛАГ, однако стала едва ли не главным оппонентом сирийского правительства [15, с. 39]. 27 февраля 2012 г. новый пакет санкций принял и Европейский Союз: в него вошли запрет на совершение международных транзакций для центробанка страны, а также торговое эмбарго. Позже к санкциям ЕС присоединились и США [12, с. 20]. От полномасштабных экономических санкций по линии ООН Сирию спасают Россия и Китай, блокирующие соответствующие инициативы.

Впрочем, Сирии от этого ненамного легче. По состоянию на конец 2011 г. безработица в стране возросла на 22 %, туристический сектор, приносивший стране до 6 млрд долларов, практически исчез, заполняемость отелей составила примерно 15 %. Объем средств в частных банках сократился на 20 %. Серьезный урон понесла и нефтяная отрасль: из-за отсутствия спроса объем добычи нефти упал с обычных 368 тыс. баррелей в день до 270 тыс., из-за невозможности экспортировать сырую нефть и нефтепродукты на традиционные рынки Сирии с сентября 2011 г. по конец января 2012 г. потеряла порядка 2 млрд долларов [12, с. 20].

Экономическое давление на Сирию подкрепляется и все нарастающим военно-политическим давлением. После провала 4 февраля 2012 г. проекта резолюции ООН, осуждающего Сирию, по инициативе президента Франции Н. Саркози был образован так называемый клуб «друзей Сирии». Эти «друзья» – представители более 60 государств – в конце февраля 2012 г. провели свою конференцию в Тунисе, на которой согласовали новые санкции против Сирии и признали Сирийский национальный совет законной властью [2, с. 41]. Еще более одиозный характер носила следующая конференция «друзей», проведенная в Турции в конце марта – начале апреля 2012 г. Представители более 70 государств декларировали Сирийский национальный совет «единственным легитимным представителем народа этой страны», очевидно, не мущаясь тем, что у самого народа до сих пор не было возможности высказать свое мнение (Бойкот СНС назначенных на 7 мая 2012 г. парламентских выборов «друзьями» поддерживается однозначно).

Однако самым одиозным следует признать решение учредить специальный фонд, средства которого пойдут на финансирование боевиков «Сирийской свободной армии». По данным газеты «The New York Times», только в ближайшие три месяца сирийским боевикам может быть перечислено около ста миллиардов долларов – главными спонсорами издание называет Саудовскую Аравию, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. Цель этих долларовых вливаний двоякая: во-первых, это закупка оружия и боеприпасов для боевиков; во-вторых, выплата денежных вознаграждений возможным дезертирам из правительственной армии. Станет ли такое дезертирство масштабным, покажет время, но очевидно одно: решения «друзей Сирии» способствуют не мирному урегулированию, а началу гражданской войны. Конечно, на словах участники конференции заявили о поддержке посреднической миссии специального представителя ООН Кофи Аннана, но только непонятно, как это совместить с односторонним давлением на Асада и открытой поддержкой боевиков.

События в Сирии и вокруг нее показали, что наиболее рьяными противниками Асада выступают такие арабские государства, как Катар и Саудовская Аравия. Парадокс заключается в том, что обе эти страны являются абсолютными монархиями с абсолютно архаическим политическим режимом, при котором о демократии и правах человека не может быть и речи. Пекутся они, естественно, вовсе не об этом, а защищают свои геополитические интересы. Так, в аравийском эмирате Катар проживают полтора миллиона мужчин и полмиллиона женщин. Но это третий в мире (после России и Ирана) обладатель природного газа, а по экспорту сжиженного газа – первый [9, с. 2]. В случае падения режима Асада и прихода к власти патронируемых Катаром его противников это государство получит возможность проведения газопроводов через территорию Сирии и далее в Турцию и Европу. Это означает, что данный регион будет включен в мировую игру по прокладке газовых трубопроводов, альтернативных российским. Это не может не задевать финансовых интересов России, что создает дополнительный стимул для соответствующей направленности российской политики в этом регионе.

Вполне ясны и геополитические интересы Саудовской Аравии, направленные на сдерживание внешней экспансии Ирана. А Иран является традиционным союзником Сирии в регионе. Иран вместе с Ираком и Сирией, а также в значительной степени Ливаном формирует так называемый «шиитский полумесяц», нависающий над суннитским Ближним Востоком. Разбить этот «полумесяц» – голубая мечта не только монархий Персидского залива, но также Израиля и США, заинтересованных в изоляции Ирана и создании вокруг него «санитарного кордона». Именно поэтому Иран оказывает режиму Асада всемерную помощь и поддержку. Более того, в китайских СМИ появилась информация о том, что Иран уже отправил в Сирию в помощь правительственным войскам 15 тысяч спецназовцев [3, с. 34]. Если сюда добавить информацию израильских СМИ о действиях в Сирии катарского и британского спецназов, то возможность внешнего вооруженного вмешательства во внутренние дела Сирии становится все более реальной [18, с. 3].

Здесь мы подошли к наиболее важному и существенному вопросу: как вести себя России в ситуации сирийского кризиса? Выше мы уже писали о незаинтересованности РФ в прокладке Катаром газопроводов, альтернативных российским. Одного этого уже достаточно, чтобы в ходе этого кризиса быть активным актором и отстаивать собственные интересы. Они не сводятся только к одному этому аспекту. Безусловно, важнейшим является военное сотрудничество двух стран. Сирийские вооруженные силы укомплектованы почти на сто процентов советским и российским вооружением: около пяти тысяч танков, более 800 самолетов и 200 вертолетов. Много это или мало? Для сравнения: в армии обороны Израиля на 2004 г. числилось лишь 3700 танков, 518 боевых самолетов и 205 вертолетов [7, с. 32]. Видимо, мы не погрешим против истины, если скажем, что иностранная интервенция в Сирии все еще не состоялась в первую очередь потому, что сирийская армия способна нанести тяжелый урон даже армиям стран НАТО.

Военное сотрудничество продолжается и сейчас, в разгар кризиса. В частности, подписаны контракты на поставку 24 истребителей МИГ-29М, восьми дивизионных комплексов ПВО «БУК-М2Э», 36 учебно-боевых самолетов ЯК-130. В стадии исполнения находится контракт на поставку береговых ракетных комплексов «Бастиян». По оценкам экспертов, разрыв военно-технического сотрудничества с Сирией грозит России потерей контрактов на сумму до 3,8 млрд долларов [8, с. 4]. Нельзя забывать и о том, что с 1971 г. в сирийском порту Тартус развернут 720-й пункт материально-технического обеспечения ВМФ РФ. Если учесть, что это единственная военноморская база России в дальнем зарубежье, то ее ценность возрастает еще больше.

Свои интересы в Сирии имеет и российский бизнес. «Татнефть» в 2003 г. стала первой компанией из РФ, выигравшей тендер на разведку и добычу нефти и газа в Сирии на условиях соглашения о разделе продукции, и в 2010 г. ввела первую скважину на месторождении Южная Кишма. В стране ведет добычу нефти «Союзнефтегаз». «Стройтрансгаз», уже построивший в Сирии газоперерабатывающий завод

(ГПЗ) и газопровод, реализует проект строительства второго ГПЗ близ города Ранна. Северо-Западная нефтяная группа выиграла конкурс на строительство нефтеперерабатывающего завода под Дейрэз-Зором. «Росатом» в 2010 г. заявлял о планах постройки в стране первой АЭС [8, с. 4]. Перечень этих проектов можно было бы продолжить.

Для России речь идет не только о том, чтобы последовательно отстаивать в Сирии свои национально-государственные интересы. Речь идет также и об отстаивании норм международного права. Именно поэтому Россия (наряду с Китаем) наложила вето на проект резолюции Совета безопасности ООН от 4 февраля 2012 г., в пользу которого выступали три других постоянных члена СБ ООН (США, Великобритания, Франция). По словам министра иностранных дел Сергея Лаврова, этот документ был односторонним, требования в нем выставлялись только к правительству Б. Асада [12, с. 19]. События в Ливии показали, что страны НАТО способны трактовать резолюции ООН более чем произвольно, не учитывая при этом корректировки, предлагаемые российским представителем. Институт ООН не должен использоваться для произвольного свержения правительств каких бы то ни было государств. Сирия в этом отношении не должна быть исключением. Поэтому урегулирование сирийского конфликта в рамках современного международно-правового поля остается императивом мировой политики.

Список литературы

1. Бузов В. И. История современного Востока XX–XXI вв.: страны и правители / В. И. Бузов. – Москва : Март, 2008. – С. 536, 547, 557.
2. Бурмистров П. Не вняли дружеским советам. Сирийский режим получил шанс удержать власть / П. Бурмистров // Русский репортер. – 2012. – № 8 (237). – С. 41.
3. Бурмистров П. Сирия в войне. Гражданское противостояние в стране может закончиться интервенцией / П. Бурмистров // Русский репортер. – 2012. – № 7 (236). – С. 34, 41.
4. В следующей Сирии. Помешает ли позиция России свержению режима Башара Асада? // Версия. – 2012. – № 6 (331). – С. 3.
5. Вечная «весна» // Профиль. – 2011. – № 46. – С. 33.
6. Волков К. Выборы в Сирии на Запад не повлияют / К. Волков // Известия. – 2012. – № 47 (28554). – С. 8.
7. Добряков Д. «Дамасская сталь. Почему Дамаск оказался для Москвы дороже, чем дружба со всеми мировыми столицами вместе взятыми / Д. Добряков // Итоги. – 2012. – № 9 (820). – С. 32.
8. Досье. Российские интересы в Сирии // Коммерсант. – 2012. – № 22 (4807). – С. 4.
9. Катарские карлики задумали газовый передел мира // Аргументы недели. – 2012. – № 10 (302). – С. 2.
10. Майоров Д. Повстанцы захватили Думу. Ситуация в Сирии движется к полномасштабной войне / Д. Майоров // Русский репортер. – 2012. – № 4 (233). – С. 34.
11. Мамаев Ш. Теория кочевой революции / Ш. Мамаев, А. Одинец // Власть. – 2012. – № 11 (965). – С. 34–36.
12. Мирзоян Г. Сирия не сдастся / Г. Мирзоян // Эксперт. – 2012. – № 6 (789). – С. 19–20.
13. Путилов Е. На пороге хаоса / Е. Путилов // Эксперт. – 2012. – № 8 (791). – С. 71.
14. Российская газета. – 2012. – № 26 (5699). – С. 8.
15. Сирия теряет друзей // Власть. – 2011. – № 48 (952). – С. 39.
16. Сирия // Большая советская энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1976. – Т. 23. – С. 451.
17. Фиртуни Л. «Арабская весна»: Трансформация политических парадигм в контексте международных отношений / Л. Фиртуни // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 3–14.
18. Черненко Е. Сирия обвинила в заговоре Израиль. А Госдума – Запад и ближневосточные монархии / Е. Черненко // Коммерсант. – 2012. – № 25 (4810). – С. 3.

References

1. Buzov V.I. *Istorija sovremennogo Vostoka XX–XXI vv.: strany i praviteli* [History of the modern East of the XX–XXI centuries: countries and governors]. Moscow: Mart, 2008, pp. 536, 547, 557.
2. Burmistrov P. Ne vnjali druzheskim sovetam. Sirijskij rezhim poluchil shans uderzhat' vlast' [Didn't listen to a friend advice. The Syrian mode received chance to keep the power]. *Russkij reporter* [Russian reporter], 2012, no. 8 (237), p. 41.

3. Burmistrov P. Sirija v vojne. Grazhdanskoe protivostojanie v strane mozhet zakonchit'sja intervenciej [Syria in war. Civil opposition in the country can end with intervention]. *Russkij reporter* [Russian reporter], 2012, no. 7 (236), p. 34, 41.
4. V sledujušej Sirii. Pomeshaet li pozicija Rossii sverzheniju rezhima Bashara Asada? [In the following Syria. Whether the position of Russia will prevent overthrow of a mode of Bashar Asad?]. *Versija* [Version], 2012, no. 6 (331), p. 3.
5. Vechnaja «vesna» [Eternal «spring»]. *Profil'* [Profile], 2011, no. 46, p. 33.
6. Volkov K. Vyборы v Sirii na Zapad ne povlijajut [Elections in Syria to the west won't affect]. *Izvestija* [News], 2012, № 47 (28554), p. 8.
7. Dobrjakov D. «Damasskaja stal'. Pochemu Damask okazalsja dlja Moskvy dorozhe, chem družba so vsemi mirovymi stolicami vmeste vzjatymi [«Damask steel. Why Damascus appeared for Moscow more expensive, than friendship with all world capitals together taken]. *Itogi* [Results], 2012, no. 9 (820), p. 32.
8. Dos'e. Rossijskie interesy v Sirii [File. The Russian interests in Syria]. *Kommersant* [Businessman], 2012, no. 22 (4807), p. 4.
9. Katarskie karliki zadumali gazovyj peredel mira [Qatar dwarfs conceived gas repartition of the world]. *Argumenty nedeli* [Arguments of week], 2012, no. 10 (302), p. 2.
10. Majorov D. Povstancy zahvatili Dumu. Situacija v Sirii dvizhetsja k polnomashtabnoj vojne [Insurgents grasped the Duma. The situation in Syria moves to full-scale war]. *Russkij reporter* [Russian reporter], 2012, no. 4 (233), p. 34.
11. Mamaev Sh., Odinec A. Teorija kochevoj revoljucii [Theory of nomadic revolution]. *Vlast'* [Power], 2012, no. 11 (965), pp. 34–36.
12. Mirzojan G. Sirija ne sdaetsja [Syria doesn't surrender]. *Jekspert* [Expert], 2012, no. 6 (789), pp. 19–20.
13. Putilov E. Na poroge haosa [On a chaos threshold]. *Jekspert* [Expert], 2012, no. 8 (791), p. 71.
14. *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], 2012, no. 26 (5699), p. 8.
15. Sirija terjaet družej [Syria loses friends]. *Vlast'* [Power], 2011, no. 48 (952), p. 39.
16. Sirija [Syria]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [Big Soviet encyclopedia]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1976, T. 23, p. 451.
17. Firtuni L. «Arabskaja vesna»: Transformacija političeskikh paradigim v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij [«The Arab spring»: Transformation of political paradigms in a context of the international relations]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World economy and international relations], 2012, no. 1, p. 3–14.
18. Chernenko E. Sirija obvinila v zagovore Izrail'. A Gosduma – Zapad i blizhnjevostochnye monarhii [Syria accused of plot Israel. And the State Duma – the West and Middle Eastern monarchy]. *Kommersant* [Businessman], 2012, no. 25 (4810), p. 3.

ЭТНОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сарматин Евгений Сергеевич, кандидат философских наук, доцент

Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета
400131, Россия, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru

В статье анализируются сущность этнократического режима, его основные черты, формы проявления. Рассматриваются разновидности этнократических режимов на пространстве СНГ. Раскрываются негативные последствия таких режимов для межнациональных отношений.

Ключевые слова: этнократия, политический режим, деформации, конфликты, межнациональные отношения.

ETHNOCRATIC REGIME: FORMATION AND FUNCTIONING IN THE FORMER SOVIET UNION

Sarmatin Evgeny S., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Volgograd branch of Russian State University of Trade and Economics
11 Volgodonskaya st., Volgograd, 400131, Russia
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru